

А. РЭДКЛИФФ-БРАУН*

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ**

Некоторые из моих друзей предложили мне воспользоваться этим случаем, чтобы рассказать кое-что о моей точке зрения на социальную антропологию, а поскольку вот уже около тридцати лет с тех пор, как я преподаю эту науку в Кембридже и Лондонской школе экономики, я настойчиво подчеркиваю важность изучения социальной структуры, то для меня это предложение означало, что я должен кое-что сказать по этому вопросу.

Надеюсь, вы простите меня, если я начну с личных объяснений. Обо мне не раз говорили, что я принадлежу к некой «функциональной школе социальной антропологии» и будто бы даже являюсь ее лидером или одним из лидеров. Этой функциональной школы на самом деле не существует; это миф, выдуманный профессором Малиновским. Он и сам объяснял (приведу его собственные слова), что «величественный титул Функциональной Школы Антропологии был придуман мной, в известном смысле для самого себя и во многом из-за моей безответственности».

* Президентское обращение к Королевскому антропологическому институту Великобритании и Ирландии. Перевод выполнен по источнику: *Radcliffe-Brown A.R. On Social Structure // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1940. Vol. 70. № 1. P. 1-12.*

** *Примечание переводчика.* Статья «О социальной структуре» публиковалась на русском языке дважды: в моем переводе (Культурология: Дайджест. 2000. № 1. С. 184-203) и в переводе О.Ю. Артемовой (*Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001. С. 219-236*). В настоящее время оба перевода представляются мне не вполне удовлетворительными. Поскольку мы имеем дело с одним из ключевых теоретических текстов ученого, я счел уместным включить в сборник свой перевод этой статьи в новой его редакции. Хотелось бы также обратить внимание на то, что данная статья Рэдклифф-Брауна существует в двух авторских вариантах: один — опубликованный в «*Journal of the Royal Anthropological Institute*» в 1940 г.; другой — включенный в сборник «Структура и функция в примитивном обществе» (1952). Они немного отличаются друг от друга. В варианте 1952 г. переделана часть текста, посвященная изучению социальной эволюции, и слово «дифференциация» в одном месте заменено словом «диверсификация». В остальном тексты двух вариантов идентичны. Оба опубликованных ранее русских перевода были сделаны со второго варианта статьи. Публикуемый здесь обновленный перевод был сделан исходного журнального варианта (*В.Г. Николаев*).

Безответственность профессора Малиновского имела печальные последствия, ибо погрузила антропологию в густой туман дискуссий о «функционализме». Профессор Лоуи заявил, что ведущим, хотя и не единственным представителем функционализма в XIX в. был профессор Франц Боас. Не думаю, чтобы меня в каком-либо ином смысле, кроме чисто хронологического, можно было назвать последователем профессора Боаса или предшественником профессора Малиновского. Утверждение, что я «функционалист», как и утверждение, что я таковым не являюсь, не несет, на мой взгляд, в себе никакого внятного смысла.

В естественной науке нет места «школам» в подобном смысле слова, а социальную антропологию я считаю отраслью естественной науки. Каждый ученый отталкивается от трудов своих предшественников, находит проблемы, которые считает важными, и, пользуясь наблюдением и рассуждением, пытается внести какой-то вклад в растущий корпус теоретического знания. Сотрудничество между учеными является следствием того факта, что они работают над одними и теми же или родственными проблемами. Такая кооперация не ведет к образованию школ в том смысле, в каком есть школы в философии или живописи. В науке нет места ортодоксиям и ересям. Ничто так не губительно для науки, как попытки установления верности доктринам. Все, что может сделать учитель, — это помочь студенту понять научный метод и научиться им пользоваться. Не пристало ему создавать себе учеников.

Социальную антропологию я понимаю как теоретическую естественную науку о человеческом обществе, т.е. как исследование социальных явлений с помощью методов, по существу схожих с теми, которые используются в физических и биологических науках. Если не возражаете, я бы назвал ее предмет «сравнительной социологией». Причем, что важно, речь идет не просто о названии, а именно о самом предмете. Как вы знаете, есть этнологи, или антропологи, считающие применение теоретических методов естественной науки к социальным явлениям если не невозможным, то, по крайней мере, бесполезным. Для них социальная антропология, как я ее определил, есть нечто, чего не существует и никогда не будет существовать. Для них, разумеется, мои рассуждения будут совершенно бессмысленными или, по крайней мере, будут иметь не тот смысл, который вкладываю в них я.

В то время как я определил социальную антропологию как изучение человеческого общества, некоторые определяют ее как изучение культуры. Можно бы было подумать, что эта разница в определении имеет мало значения. На самом деле, она порождает два разных вида исследования, между которыми вряд ли возможно достижение согласия в формулировке проблем.

Для предварительного определения социальных явлений, по-видимому, достаточно констатации того, что нам приходится иметь дело с отношениями ассоциации между индивидуальными организмами. В пчелином улье имеются отношения ассоциации между маткой, рабочими пчелами и трутнями. Есть ассоциация животных в стаде, ассоциация между кошкой-матерью и ее котятками. Это социальные явления; не думаю, чтобы кто-то назвал их культурными явлениями. В антропологии, разумеется, нас интересуют только люди, и в социальной антропологии, как я ее определяю, предметом нашего исследования должны быть формы ассоциации, обнаруживающиеся у людей.

Давайте рассмотрим, какими конкретными, наблюдаемыми фактами интересуется социальный антрополог. Если мы решаем изучить, например, аборигенных обитателей какой-то части Австралии, то мы находим некоторое число индивидуальных человеческих существ, находящихся в некоторой естественной среде. Мы можем наблюдать акты поведения этих индивидов, включая, разумеется, их речевые акты, а также материальные продукты прошлых действий. Мы не наблюдаем «культуру», ибо это слово обозначает не какую-то конкретную реальность, а абстракцию, причем абстракцию, как правило, весьма туманную. Между тем прямое наблюдение открывает нам, что эти люди связаны между собой сложной сетью социальных отношений. Для обозначения этой сети действительно существующих отношений я пользуюсь термином «социальная структура». Именно ее я считаю своим делом изучать, когда работаю не как этнолог или психолог, а как социальный антрополог. Я не имею в виду, что изучение социальной структуры есть вся социальная антропология без остатка, однако считаю его в каком-то очень важном смысле наиболее фундаментальной частью этой науки.

На мой взгляд, естественная наука есть систематическое исследование структуры мира, как он открывается нам через наши органы чувств. Существует несколько важных самостоятельных разделов науки, каждый из которых занимается некоторым классом, или видом, структур и нацелен на обнаружение свойств, характерных для всех структур этого вида. Так, атомная физика занимается строением атомов, химия — структурой молекул, кристаллография и коллоидная химия — структурой кристаллов и коллоидов, а анатомия и физиология — структурами организмов. Следовательно, как я предполагаю, есть место и для особого раздела естественной науки, который возьмет на себя задачу открыть общие свойства тех социальных структур, составными элементами которых являются люди.

Социальные явления составляют особый класс природных явлений. Все они так или иначе связаны с существованием социальных структур, либо предполагаясь ими, либо будучи их результатами. Социальные

структуры так же реальны, как и индивидуальные организмы. Сложный организм является скоплением живых клеток и промежуточных жидкостей, упорядоченных в некоторую структуру; аналогичным образом живая клетка представляет собой структурную аранжировку сложных молекул. Физиологические и психологические явления, наблюдаемые нами в жизни организмов, – это не просто результат, обусловленный природой молекул или атомов, из которых построен организм, а результат той структуры, в которую они соединяются. Так же и социальные явления, наблюдаемые нами в любом человеческом обществе, не вытекают напрямую из природы отдельных человеческих существ, а являются результатом той социальной структуры, посредством которой они соединены.

Следует заметить, что утверждение, что мы изучаем социальные структуры, не равнозначно утверждению, что мы изучаем социальные отношения, как определяют свой предмет некоторые социологи. Отдельное социальное отношение между двумя персонами (если только это не Адам и Ева в Эдемском саду) существует лишь как часть широкой сети социальных отношений, включающей много других персон, и именно эту сеть я считаю объектом наших исследований.

Я, разумеется, сознаю, что термин «социальная структура» употребляется также во множестве других смыслов, и некоторые из них очень туманные. К сожалению, это верно и для многих других терминов, обычно применяемых антропологами. Выбор терминов и их определений – вопрос научного удобства, но одной из особенностей науки, как только она минует период своего становления, является наличие специальных терминов, которые используются в одном и том же строгом смысле всеми учеными, работающими в данной науке. С сожалением вынужден сказать, что по этому критерию социальная антропология оказывается наукой еще не сформировавшейся. И, следовательно, ученому приходится самому выбирать для себя такие определения терминов, которые кажутся ему наиболее удобными для целей научного анализа.

Некоторые антропологи употребляют термин «социальная структура» только в отношении устойчивых социальных групп, таких, как нации, племена и кланы, которые сохраняют свою преемственность, свою отличительную групповую идентичность вопреки изменениям в их личном составе (*membership*). Д-р Эванс-Притчард в недавно изданной восхитительной книге о нуэр¹ предпочитает использовать термин «социаль-

¹ *Evans-Pritchard E.E.* Nuer. Clarendon Press, 1940. Рус. пер.: *Эванс-Притчард Э.* Нуэры: Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985. – *Прим. перев.*

ная структура» в этом значении. Существование таких устойчивых социальных групп есть, несомненно, чрезвычайно важный аспект структуры. Вместе с тем я считаю более полезным включать в термин «социальная структура» гораздо больше.

Во-первых, я считаю частью социальной структуры все социальные отношения между персоной и персоной. Например, структура родства любого общества состоит из некоторого множества таких диадических отношений, как, скажем, между отцом и сыном или между братом матери и сыном его сестры. В австралийском племени вся социальная структура держится на сети таких отношений между персоной и персоной, установленных генеалогическими связями.

Во-вторых, я включаю в социальную структуру дифференциацию индивидов и классов по их социальным ролям. Дифференцированные социальные позиции мужчин и женщин, вождей и простолюдинов, работодателей и наемных работников являются детерминантами социальных отношений в такой же степени, в какой и принадлежность к разным кланам или разным нациям.

Конкретной реальностью, интересующей нас при изучении социальной структуры, является совокупность актуально существующих в данный момент времени отношений, связывающих воедино некоторый круг людей. Именно ее мы можем непосредственно наблюдать. Однако не ее в ее частном проявлении мы пытаемся описать. Науку (в отличие от истории или биографии) интересует не частное и уникальное, а только общее, только типы (*kinds*), только повторяющиеся события. Действительные отношения между Томом, Диком и Гарри или поведение Джека и Джилл могут оседать на страницах наших полевых блокнотов и служить иллюстрациями к общему описанию. Однако для решения научных задач нам требуется описание формы структуры. Например, если в некоем австралийском племени я многократно наблюдаю взаимное поведение лиц, состоящих друг с другом в отношении «брат матери — сын сестры», то это делается для того, чтобы я мог как можно точнее зарегистрировать общую, или нормальную форму этого отношения, очищенную от изменчивости ее частных проявлений, хотя и принимающую в расчет эту изменчивость.

Это важное различие между структурой как актуально существующей конкретной реальностью, которую можно непосредственно наблюдать, и структурной формой как тем, что полевой исследователь описывает, вероятно, можно сделать более ясным, если мы рассмотрим преемственность социальной структуры во времени — преемственность не статическую, как преемственность некоторого здания, а динамическую, схо-

жую в чем-то с преемственностью органической структуры живого тела. На протяжении жизни организма его структура постоянно обновляется; так же и социальная жизнь постоянно обновляет социальную структуру. Так, актуальные отношения между персонами и группами персон изменяются из года в год и даже изо дня в день. В сообщество посредством рождения или иммиграции входят новые члены; другие в силу смерти или эмиграции из него выбывают. Происходят бракосочетания и разводы. Друзья могут стать врагами, а враги — помириться и стать друзьями. Но в то время как актуальная структура таким образом меняется, общая структурная форма в течение большего или меньшего периода времени может оставаться относительно постоянной. Так, если я посетил некое относительно стабильное сообщество, а спустя десять лет навещу его вновь, я обнаружу, что многие из его членов умерли, а вместо них родилось много других, что те его члены, которые еще живы, стали теперь на десять лет старше, а отношения, связывающие их друг с другом, во многом изменились. Тем не менее я могу обнаружить, что типы отношений, доступные моему наблюдению, мало чем отличаются от тех, которые я наблюдал здесь десять лет назад. Структурная форма почти не изменилась.

С другой стороны, структурная форма может изменяться — иногда постепенно, а иногда сравнительно молниеносно, как это бывает во времена революций и завоеваний. Но даже при самых революционных изменениях некоторая преемственность структуры все же сохраняется.

Нужно сказать несколько слов о пространственном аспекте социальной структуры. Редко удается встретить сообщество, которое было бы абсолютно обособлено и не имело никаких внешних контактов. В настоящий момент истории сеть социальных отношений охватывает собою весь мир, и нигде не обнаруживается абсолютного решения проблемы преемственности. Это порождает трудность, с которой, на мой взгляд, социологи реально еще не столкнулись, — трудность определения того, что имеется в виду под термином «общество». Обычно они говорят об обществах так, как если бы они были различимыми дискретными сущностями, например, когда говорят нам, что общество есть организм. Что есть Британская империя: общество или скопление обществ? Что есть китайская деревня: общество или всего лишь фрагмент Китайской Республики? Когда мы говорим, что нашей задачей является изучение и сравнение человеческих обществ, мы должны быть способны объяснить, с какими единичными сущностями мы имеем дело.

Если мы возьмем любую удобную местность подходящего размера, то мы сможем изучить структурную систему, как она видится в этом регионе и изнутри него, т.е. сеть отношений, связывающих его обитателей

друг с другом и с людьми других регионов. Так мы можем подвергнуть наблюдению, описать и сравнить социально-структурные системы столь многих местностей, сколько мы захотим. Для иллюстрации того, что я имею в виду, сошлюсь на два недавних исследования ученых Чикагского университета: исследование японской деревни Суё мура, проведенное доктором Джоном Эмбри, и исследование франко-канадского сообщества Сен-Дени, проведенное доктором Хорасом Майнером².

С таким пониманием социальной структуры тесно связано понимание «социальной личности» как позиции, занимаемой человеком в социальной структуре, как комплекса, образуемого всеми его социальными отношениями с другими. Каждый человек, живущий в обществе, является одновременно двумя вещами: индивидом и персоной. Как индивид, он представляет собой биологический организм, т.е. скопление огромного числа молекул, организованных в сложную структуру, внутри которой, пока она существует, происходят физиологические и психологические действия и реакции, процессы и изменения. Люди как индивиды являются объектами изучения для физиологов и психологов. Человек как персона есть комплекс социальных связей. Он гражданин Англии, муж и отец, каменщик, член конкретной методистской конгрегации, обладатель права голоса на определенном избирательном участке, член своего профсоюза, сторонник Лейбористской партии и т.д. Обратим внимание, что каждая из этих описательных характеристик указывает на ту или иную социальную связь, или на некоторое место в социальной структуре. Отметим также, что социальная личность есть нечто такое, что изменяется в течение человеческой жизни. Как персона, человек является объектом изучения для социального антрополога. Мы не можем изучать персоны иначе, нежели в терминах социальной структуры, а социальную структуру — иначе, нежели в терминах персон, являющихся единицами, из которых она образуется.

Если вы скажете мне, что, в конечном счете, индивид и персона суть реально одно и то же, я напомним вам о христианском кредо. Бог един в трех лицах, но говорить, что Он есть три индивида, значит быть виновным в ереси, за которую людей некогда предавали смерти. Между тем непроведение различия между индивидом и персоной — это не просто ересь в религии, но и, что еще хуже, источник путаницы в науке.

Теперь, надеюсь, я достаточно полно определил предмет того, что я считаю крайне важным разделом социальной антропологии. Метод, ко-

² См.: *Embree J. A Japanese Village: Suye Mura*. Chicago, 1940; *Miner H. St. Denis: A French-Canadian Parish*. Chicago, 1939. — *Прим. перев.*

торый в нем необходимо принять, напрямую вытекает из этого определения. Он должен совмещать интенсивное изучение отдельных обществ (т.е. структурных систем, наблюдаемых в конкретных сообществах) с систематическим сравнением многих обществ (или структурных систем разных типов). Использование сравнения является необходимым. Изучение отдельного общества может давать материалы для сравнительного исследования или поводы для выдвижения гипотез, которые затем нужно будет проверить на других обществах; само по себе оно не может принести доказательных результатов.

Наша первоочередная задача состоит, разумеется, в том, чтобы узнать как можно больше о разновидностях, или многообразии структурных систем. Это требует полевых исследований. Многие авторы этнографических описаний даже не пытаются дать нам сколько-нибудь систематического отчета о социальной структуре. Однако некоторые социальные антропологи — здесь, у нас, и в Америке — признают важность таких данных, и их работа снабжает нас растущим массивом материала для наших изысканий. Более того, их исследования уже не ограничиваются так называемыми «примитивными» обществами, а распространяются на сообщества, находящиеся в таких регионах, как Сицилия, Ирландия, Япония, Канада и Соединенные Штаты.

Между тем, если мы хотим иметь реальную сравнительную морфологию обществ, нашей целью должно стать создание некоторого рода классификации типов структурных систем. Это сложная и трудная задача; я сам уделяю ей внимание вот уже тридцать лет. Решение этой задачи требует сотрудничества многих ученых, и, мне кажется, я мог бы пересчитать по пальцам тех немногих, кто в настоящее время активно ей интересуется. Тем не менее, дело, на мой взгляд, движется. Такая работа не дает, однако, впечатляющих результатов, и книга на эту тему наверняка не станет антропологическим бестселлером.

Нам следует помнить, что химия и биология не стали полностью сложившимися науками до тех пор, пока не был достигнут значительный прогресс в систематической классификации тех вещей, которыми они занимались: в первом случае это были вещества, во втором — растения и животные.

Помимо морфологического исследования, состоящего в определении, сравнении и классификации различных структурных систем, есть еще физиологическое исследование. Здесь ставятся такие вопросы: как сохраняются структурные системы? Какие механизмы поддерживают существование сети социальных отношений, и как они работают? Может показаться, что, употребляя термины «морфология» и «физиология»,

я возвращаюсь к аналогии между обществом и организмом, очень популярной у средневековых философов, воспринятой и часто становившейся предметом злоупотреблений у социологов XIX в. и полностью отвергнутой многими современными авторами. Но аналогии, если правильно ими пользоваться, являются важным подспорьем для научного мышления; к тому же есть реальная и значимая аналогия между органической структурой и социальной структурой.

В дисциплине, которую я называю, таким образом, социальной физиологией, мы занимаемся не только социальной структурой, но и всеми видами социальных явлений. Мораль, право, этикет, религия, управление и воспитание — все это части того сложного механизма, за счет которого существует и сохраняется социальная структура. Принимая структурную точку зрения, мы изучаем эти вещи не в абстракции и обособлении от всего остального, а в их прямых и косвенных связях с социальной структурой, т.е. соотнося их с тем, как они зависят от социальных отношений между персонками и группами персон или воздействуют на них. Здесь я могу лишь привести несколько кратких иллюстраций того, что это для нас значит.

Возьмем для начала изучение языка. Язык есть связанная система речевых обычаев (*speech usages*), соблюдаемых внутри определенного речевого сообщества. Существование речевых сообществ и их размеры являются свойствами (*features*) социальной структуры. Имеется, следовательно, некоторая предельно общая связь между социальной структурой и языком. Но если мы рассмотрим специфические особенности конкретного языка — его фонологию, морфологию и даже в значительной степени лексику, — то не найдем никакой прямой связи односторонней или взаимной детерминации между ними и специфическими особенностями социальной структуры того сообщества, в котором на этом языке говорят. Легко представить два общества, которые будут иметь очень схожие формы социальной структуры и очень разные виды языка, или наоборот. Совмещение в данном сообществе особой формы социальной структуры и особого языка — всегда результат исторической случайности. Между социальной структурой и языком, разумеется, могут быть некоторые косвенные, дальние взаимодействия, однако они представляются малозначительными. Таким образом, общее сравнительное изучение языков полезно было бы выделить как относительно самостоятельный раздел науки, в котором язык исследуется в абстракции от социальной структуры того сообщества, в котором на нем говорят.

Но, с другой стороны, в языковой истории есть некоторые черты, специфически связанные с социальной структурой. В качестве примера

структурных феноменов можно привести процесс, посредством которого латинский язык, бывший первоначально языком небольшого региона Лаций, стал языком значительной части Европы, вытеснив другие италийские языки, этрусский язык и многочисленные кельтские языки, и последовавший далее обратный процесс, в ходе которого латинский язык распался на несколько разных локальных речевых форм, ставших в итоге различными романскими языками наших дней.

Распространение языка, объединение нескольких отдельных сообществ в единое речевое сообщество и обратный процесс разделения на разные речевые сообщества – все это, стало быть, феномены социальной структуры. Сюда же относятся и те случаи, когда в обществах, имеющих классовую структуру, обнаруживаются различия в речевых обычаях между разными классами.

Я начал с языка, поскольку лингвистика, на мой взгляд, является тем разделом социальной антропологии, который полезнее всего изучать без соотнесения с социальной структурой. Для этого есть основания. Набор речевых обычаев, конституирующих язык, образует систему, а системы такого рода можно сравнивать на предмет обнаружения их общих, или абстрактных характеристик, определение которых может дать нам законы – в данном случае собственно законы лингвистики.

Давайте далее рассмотрим очень коротко некоторые другие разделы социальной антропологии и их связь с изучением социальной структуры. Если взять социальную жизнь локального сообщества на протяжении некоторого периода – скажем, года, – то мы можем наблюдать некоторую совокупность деятельностей, выполняемых составляющими его лицами. Также мы можем наблюдать некоторое распределение этих деятельностей: один человек делает одни вещи, другой – другие. Это распределение деятельностей, эквивалентное тому, что иногда называют общественным разделением труда, является важной чертой социальной структуры. Так вот, деятельности осуществляются потому, что приносят некоторого рода «удовлетворение» (gratification), как я предлагаю его называть, и характерной чертой социальной жизни является то, что деятельности некоторых лиц обеспечивают удовлетворения для других лиц. Простой пример: когда австралийский абориген охотится, он обеспечивает мясом не только себя, но также жену, детей и других родственников, с которыми долг велит ему делиться мясом, когда оно у него есть. Таким образом, в любом обществе существует не только распределение деятельностей, но также вытекающее из него распределение удовлетворений и та или иная социальная машинерия, иногда относительно простая, а иногда чрезвычайно сложная, посредством которой эта система работает.

Именно эта машинерия, или некоторые ее аспекты, конституирует особый предмет, изучаемый экономистами. Последних интересует, какого рода блага и в каком количестве производятся, как они распределяются (т.е. их перетекание от лица к лицу или из региона в регион) и как ими распоряжаются. Таким образом, то, что называется экономическими институтами, широко изучается в более или менее полной обособленности от остальной социальной системы. Этот метод, несомненно, дает полезные результаты, особенно при изучении сложных современных обществ. Слабость его между тем становится очевидной, как только мы пытаемся применить его к обменам благами в обществах, называемых примитивными.

Экономическая машинерия общества предстает в новом свете, когда изучается в связи с социальной структурой. Обмен благами и услугами зависит от определенной структуры, т.е. сети отношений между лицами и собраниями лиц, вытекает из нее и в то же время является средством ее поддержания. Потлач, распространенный у индейцев в северо-западной части Америки, был для канадских экономистов и политиков всего лишь расточительной глупостью, а потому был запрещен. Для антрополога он был механизмом, поддерживающим социальную структуру линиджей, кланов и половин, сочетающуюся с ранговой аранжировкой, определяемой привилегиями.

Для сколько-нибудь полного понимания экономических институтов человеческих обществ требуется изучать их с двух точек зрения. С одной из них экономическая система видится как механизм, посредством которого осуществляются производство разных видов и разных количеств благ, их транспортировка, передача и использование. С другой она является собой совокупность отношений между лицами и группами, которая поддерживает этот обмен благами и услугами (или их оборот) и сама поддерживается ими. С последней точки зрения, изучение экономической жизни обществ осуществляется как часть общего изучения социальной структуры.

Социальные отношения могут наблюдаться и описываться только через обращение к взаимному поведению связанных ими персон. Форму социальной структуры, стало быть, нужно описывать через паттерны поведения, которых придерживаются в обращении друг с другом индивиды и группы. Эти паттерны частично формулируются в правилах, которые мы в нашем обществе выделяем как правила этикета, морали и права. Разумеется, правила существуют лишь в их признании членами общества: либо в вербальном их признании, когда они эксплицитно проговариваются как правила, либо в их соблюдении в поведении. Эти два

способа признания, как известно каждому полевому исследователю, представляют собой отнюдь не одно и то же и оба должны приниматься во внимание.

Если я скажу, что в любом обществе правила этикета, морали и права составляют часть механизма, посредством которого поддерживается существование определенной совокупности социальных отношений, то это утверждение, подозреваю, будет воспринято как трюизм. Между тем это один из тех трюизмов, которые многие авторы, пишущие о человеческом обществе, на словах принимают, но полностью игнорируют в теоретических рассуждениях и в своих описательных анализах. Дело не в том, что в любом обществе существуют правила, а в том, что для достижения научного понимания нам нужно знать, как эти вещи работают вообще и в тех или иных частных случаях.

Возьмем для примера изучение права. Если вы проанализируете литературу по юриспруденции, то вы увидите, что правовые институты изучаются, по большей части, в более или менее полном обособлении от остальной социальной системы, частью которой они являются. Спору нет, для юристов в их профессиональных штудиях этот метод самый удобный. Но для научного исследования природы права этого недостаточно. Данными, с которыми должен работать ученый, являются события, которые происходят и поддаются наблюдению. В области права событиями, которые социальный ученый может наблюдать и тем самым принять в качестве своих данных, являются разбирательства, происходящие в судебных учреждениях. Они — реальность, и для социального антрополога они являют собой механизм, или процесс, посредством которого восстанавливаются, поддерживаются или модифицируются некоторые определенные социальные отношения между персонами и группами. Право является частью той машинерии, посредством которой поддерживается определенная социальная структура. Правовую систему того или иного общества можно полностью понять лишь при условии, что она будет изучена в соотношении с социальной структурой; и наоборот, понимание социальной структуры требует, кроме всего прочего, систематического изучения правовых институтов.

Я говорил о социальных отношениях, но так и не дал вам точного их определения. Социальное отношение между двумя или более индивидуальными организмами существует тогда, когда имеет место взаимное приспособление их интересов, достигнутое либо посредством схождения их интересов, либо путем ограничения конфликтов, которые могли бы возникнуть из расхождения их интересов. Термин «интерес» я использую здесь в максимально широком смысле, имея в виду любое поведение,

которое мы считаем целенаправленным. Когда речь заходит об интересе, подразумевается наличие субъекта, объекта и связи между ними. Когда бы мы ни говорили, что субъект имеет определенный интерес к объекту, мы всегда можем переформулировать это утверждение, сказав, что объект обладает определенной ценностью для субъекта. «Интерес» и «ценность» являются соотносящимися друг с другом терминами, обозначающими две стороны одного и того же асимметричного отношения.

Таким образом, изучение социальной структуры непосредственно приводит нас к изучению интересов или ценностей как детерминант социальных отношений. Социальное отношение возникает не из сходства интересов; оно зиждется либо на взаимном интересе персон друг к другу, либо на одном или более общих интересах, либо на комбинации того и другого. Простейшая форма социальной солидарности обнаруживается там, где две персоны обоюдно заинтересованы в получении некоторого результата и сотрудничают для достижения этой цели. Когда две или более персоны имеют *общий интерес* к объекту, об этом объекте можно сказать, что он имеет *социальную ценность* для ассоциированных таким образом персон. Тогда, если практически все члены общества проявляют интерес к соблюдению законов, мы можем говорить, что закон обладает социальной ценностью. Изучение социальных ценностей в указанном смысле является, следовательно, частью изучения социальной структуры.

Именно с этой точки зрения я подходил в своей ранней работе к изучению того, что можно для удобства назвать ритуальными ценностями, т.е. ценностей, выражающихся в обрядах и мифах. Возможно, это опять-таки трюизм, когда я говорю, что религия — это цемент, скрепляющий общество воедино. Но для научного понимания необходимо знать, как именно она его цементирует, а это тема для длительных исследований во множестве разных форм общества.

В качестве последнего примера позвольте упомянуть изучение магии и колдовства, которому посвящена обширная антропологическая литература. Как на яркий образец того, чего можно достичь, когда эти вещи систематически исследуются с точки зрения роли, которую они играют в социальных отношениях членов сообщества, я бы указал на работу д-ра Эванс-Притчарда об азанде³.

С той точки зрения, которую я попытался коротко описать, социальные институты, понимаемые как стандартизированные способы поведения, конституируют социальный механизм, посредством которого

³ См.: *Evans-Pritchard E.E. Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande.* Clarendon Press, 1937. — *Прим. перев.*

социальная структура, или сеть социальных отношений, поддерживает свое существование и свою преемственность. Воспользоваться термином «функция», который в последние годы получил широкое применение и которым сплошь и рядом беззастенчиво злоупотребляют, я не решаюсь; ему придается множество значений, и многие из них очень туманны. Вместо того чтобы использоваться (как вообще должны использоваться научные термины) в качестве средства для проведения различий, он ныне используется так, что вещи, которые необходимо различать, наоборот, смешиваются друг с другом. Нередко он употребляется вместо таких более обыденных слов, как «польза», «цель» и «значение». Мне представляется более удобным и благоразумным, а вместе с тем более отвечающим духу науки, говорить о пользе или пользах топора или палки-копалки, о значении слова или символа, о цели акта отправления правосудия, нежели пользоваться для обозначения всех этих разных вещей словом «функция». Слово «функция» было очень полезным техническим термином в физиологии и, по аналогии с его употреблением в этой науке, могло бы стать весьма удобным средством для выражения одного из важных понятий социальной науки. В том смысле, в каком я, вслед за Дюркгеймом и другими учеными, обычно употребляю это слово, я бы определил социальную функцию социально стандартизированного способа деятельности или способа мышления как его связь с той социальной структурой, в существование и преемственность которой он вносит какой-то вклад. Аналогичным образом, физиологической функцией сердцебиения или выделения желудочных соков в живом организме является их связь с той органической структурой, в существование или преемственность которой они вносят свой вклад. Именно в этом смысле меня интересуют такие вещи, как социальная функция наказания за преступление, социальная функция тотемических обрядов австралийских аборигенов или социальная функция похоронных обрядов у андаманцев. Но это совсем не то, что понимают под функциональной антропологией профессор Малиновский или профессор Лоуи.

Помимо двух уже указанных разделов изучения социальной структуры, которые я назвал социальной морфологией и социальной физиологией, есть еще третий. Им является исследование процессов, посредством которых социальные структуры меняются, того, как возникают новые формы структур. Для этого важного раздела исследований у меня есть время привести только одну иллюстрацию — из области колониальной социологии.

Допустим, мы хотим изучить и понять то, что происходит в настоящее время в какой-нибудь британской или французской колонии или

зависимой территории в Африке. Прежде регион населяли африканцы, имевшие свою собственную социальную структуру. Теперь появилась новая, более сложная социальная структура. Население теперь включает некоторое число европейцев: правительственных чиновников, торговцев, миссионеров и, в каких-то случаях, поселенцев. В новой политической структуре европейцы обладают значительной мерой контроля; обычно они играют важную роль и в новой экономической структуре. Выдающейся особенностью этого вида социальной структуры является то, что европейцы и африканцы образуют разные классы, с разными языками, разными обычаями и образами жизни, разными наборами ценностей и идей. Это крайний пример общества, сложенного из гетерогенных элементов. Как таковое, оно, в силу отсутствия взаимного приспособления расходящихся интересов, обладает некоторой нестабильностью.

Чтобы понять социальные изменения, происходящие в обществе этого вида, важно, как мне кажется, изучать всю совокупность отношений между задействованными лицами. Такого рода исследования были предприняты некоторыми из нас двадцать лет назад в Южной Африке, и они продолжают до сих пор, думается мне, не без пользы. Несколько лет назад, наверное, в результате переопределения социальной антропологии как изучения не общества, а культуры, нас попросили отказаться от этого вида исследования в пользу того, что ныне называют изучением «культурного контакта». Вместо того чтобы изучать образование новых составных (composite) обществ, нам предложено отнестись к тому, что происходит в Африке, как к процессу, в котором некая сущность, именуемая африканской культурой, вступает в контакт с другой сущностью, именуемой европейской или западной культурой, в результате чего производится — или должна быть произведена — новая, третья сущность, которую надлежит описывать как вестернизированную африканскую культуру. Мне это кажется фантастической реификацией абстракций. Европейская культура — это абстракция; культура африканского племени — тоже. Я считаю фантастичной мысль, что эти две абстракции входят в контакт и создают, посредством некоторого акта порождения, третью абстракцию. Контакт есть, но между людьми, европейскими и африканскими, и он происходит в определенной структурной аранжировке.

Вы знаете, что в некоторых антропологических кругах термин «эволюционный антрополог» стал чуть ли не бранным словом. Применяется он, однако, почти без разбору. Так, называют эволюционистом Льюиса Моргана, хотя он отвергал теорию органической эволюции, а относительно общества верил не в эволюцию, а в прогресс, который понимал как неуклонное материальное и моральное улучшение человечества, ве-

дущее от грубых каменных орудий и полового промискуитета к паровым двигателям и моногамному браку в духе Рочестера, шт. Нью-Йорк. Но в прогресс верят даже такие антиэволюционисты, как Боас.

Термин «прогресс», на мой взгляд, удобно использовать для обозначения процесса, посредством которого люди достигают все большего контроля над физической средой за счет роста знания и совершенствования техники благодаря изобретениям и открытиям. Одним из последних поразительных результатов прогресса является наша способность стирать с лица земли целые города. Прогресс не тождествен социальной эволюции, хотя, с моей точки зрения, очень тесно с ней связан.

Термин «эволюция», как я его понимаю, особым образом относится к процессу возникновения новых форм структуры. Органическая эволюция обладает двумя важными чертами: (1) в ходе нее из небольшого числа видов организмов возникло гораздо большее число их видов; (2) из более простых форм развились более сложные формы органической структуры. Будучи не в состоянии придать сколько-нибудь определенный смысл таким выражениям, как «эволюция культуры» или «эволюция языка», я думаю, что социальная эволюция — это реальность, которую социальный антрополог должен признать и изучить. Как и органическую эволюцию, ее можно определить двумя чертами. Во-первых, имел место процесс, посредством которого из небольшого числа форм социальной структуры исторически возникло множество различных ее форм; иначе говоря, происходил процесс дифференциации. Во-вторых, по ходу этого процесса из более простых форм социальной структуры развивались, вытесняя их, более сложные ее формы.

Как именно классифицировать структурные системы по степени их сложности — в этом еще надо разобраться. Однако есть данные, свидетельствующие о довольно тесной корреляции между сложностью структурных систем и другим их свойством, а именно — шириной (*extent*) поля социальных отношений. В структурной системе с узким тотальным социальным полем среднестатистическая (или типичная) персона включена в прямые и косвенные социальные отношения с лишь небольшим числом других персон. В системах этого типа можно обнаружить, что языковое сообщество — совокупность лиц, говорящих на одном языке, — насчитывает всего от 250 до 500 человек, политическое сообщество еще малочисленнее, а экономические отношения, создаваемые обменом благами и услугами, распространяются лишь на очень узкий круг лиц. Помимо дифференциации по полу и возрасту, здесь есть слабо выраженная дифференциация социальных ролей между лицами или классами. Этим системам можно противопоставить социально-структурные системы,

наблюдаемые нами сегодня в Англии или США. Таким образом, процесс человеческой истории, к которому, на мой взгляд, вполне подошел бы термин «социальная эволюция», можно было бы определить как процесс, посредством которого из социально-структурных систем узкого диапазона вырастают, вытесняя их, системы широкого диапазона. Будет ли этот взгляд для вас приемлем или нет, я все же настаиваю на том, что понятие социальной эволюции — это понятие, которое требуется определять в терминах социальной структуры.

В этот раз у нас нет времени обсудить связь изучения социальной структуры с изучением культуры. Как на интересную попытку совместить эти два вида исследования я сослался бы на книгу м-ра Грегори Бейтсона «*Навен*»⁴. Я не собирался здесь охватить взглядом всю социальную антропологию со всеми ее различными отраслями и разделами. Я пытался лишь дать вам самое общее представление о том виде исследования, которому я счел научно перспективным посвятить значительную и постоянно возрастающую часть своего времени и своих сил. Единственная награда, которую я искал и, как мне кажется, в какой-то мере получил, — это своего рода понимание природы того мира, частью которого мы являемся, понимание, которое может дать нам только терпеливое применение метода естественной науки.

Перевод В.Г. Николаева

⁴ См.: Bateson G. Naven. Cambridge, 1936. — *Прим. перев.*